

Александр Малышев

Миссия Мессия

Александр Малышев

Миссия Мессия

<https://litres.ru/74651422>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём проснулся не там, где засыпал. Корабль мёртв, экипаж — семь спящих людей в криокамерах, чьи имена стёрты из отчётов и превращены в «объекты». Кто они? Зачем их охраняли? И что за нечто огромное дышит за обшивкой — то, что не спешит, потому что ему некуда торопиться?

Единственный человек, который знал ответы, ушёл за помощью и не вернулся. Он оставил после себя только треснувшую капсулу, заклеенную скотчем, бумажную тетрадь и последние слова: «Он уже здесь. Нам конец».

Теперь Артём должен сделать выбор: бежать на челноке по координатам, которые может быть ложью, — или остаться. Остаться и принять пост. Защищать спящих от системы, которая хочет использовать их как последний рубеж. И вести дневник — день за днём, обход за обходом, — чтобы однажды кто-то открыл его и прочитал не «нам конец», а «мы дожили».

Космический триллер о страхе, верности и о том, что героизм — это иногда просто не уйти.

Александр Малышев

Миссия Мессия

Глава 1 Странные Координаты

В этот день я просто сидел в кресле пилота своего старенького корабля, закинув ноги на приборную панель, и с оглушительным хрустом добивал пачку крабовых чипсов. Пахло дешёвым пластиком, озоном от остывающих двигателей и дешёвыми специями.

Обычный день, обычный, благословенный отдых категории «дешевле только спать в анабиозе». И вот именно в такие моменты, когда ты максимально расслаблен и уязвим, вселенная всегда бьёт под дых. Прервал мой покой комиссар. Его голос ворвался в кабину по общей связи, как ледяной сквозняк в приоткрытую дверь, мгновенно выдувая из головы всякую лень: «Артём, есть дело. Интересное. На месте расскажу».

Я нехотя глянул на хронометр на запястье. Где-то два часа дня по корабельному. Глубоко, с театральным страданием вздохнул, стряхнул оранжевые крошки с потёртого коленчатого шва комбинезона, спихнул ноги с панели и нехотя направил корабль к его станции. Когда я пристыковался и зашёл в его кабинет, он как раз заканчивал какое-то экстренное совещание. Из-за массивной двери доносился гул басовитых голосов. Люди выходили, важные, серьёзные, в

идеально выглаженной форме, с планшетами в руках, будто только что в прямом эфире решили судьбу галактики. «Такие важные птицы прям, — лениво подумал я, прислонившись плечом к косяку. Они проходили мимо меня плотной, самодовольной вереницей, даже не удостоивая взглядом пилота в заляпанном машинным маслом комбезе. — И в голове я думал о том, что это меня, вечно невыспавшегося бродягу, посылают на самые опасные задания, я один всё решаю, пока они тут отъели пятые точки в своих кожаных креслах и ходят с вечно недовольными минами, думая, что они тут главные. Стратеги диванные».

Когда последний из этой свиты, что-то раздражённо бормоча в коммуникатор, скрылся в коридоре, комиссар так и остался стоять у панорамного окна, глядя куда-то в серую пустоту доков. Он так и начал разговор — спиной ко мне, не меняя позы:

— Артём, есть задание.

А потом резко, почти хищно повернулся на каблуках и кинул на металлический стол маленький чёрный мячик. Тот глухо стукнул, прокатился пару сантиметров по гладкой поверхности и замер. Я подошёл, наклонился и увидел на нём тонкую лазерную гравировку — созвездие «Мессия».

— В этих координатах, — он кивнул на тускло светящиеся цифры, проступившие на поверхности мяча от тепла моей руки, — что-то важное. Слетай, проверь. По классике жанра: только на тебя надежда. Не могу я этим... — он брезгливо

скривил губы, подбирая слово, — бестолочам из штаба такое доверить. Они координаты от курсора не отличат.

Я повертел мячик в руках. Металл был холодным, чуть шершавым. Глянул на координаты — стандартный рукав Ориона, лететь недалеко, пара прыжков. — Ладно, — привычно буркнул я, пряча мяч в набедренный карман. — Следаю. Наверняка там просто старый автоматический зонд, который люди потеряли или забыли тысячу лет назад. Или чей-то мусор. — Возможно, — кивнул он, и в его обычно стальных глазах на долю секунды мелькнуло что-то похожее на усталость. — Ты узнай точно. Мне нужен отчёт, а не догадки.

Я уже развернулся и пошёл к выходу, когда он добавил негромко, почти шёпотом, будто между делом, не поворачивая головы обратно к окну:

— И без геройства, Артём. Просто посмотри и вернись. А потом, уже в спину, показал сжатым кулаком свой фирменный жест — короткий, рубящий удар в воздух. Он так делал всегда, когда мы прощались. Этот его жест... он был как от отца. Точно такой же.

Я выбежал из кабинета почти бегом, вжимая кнопку вызова лифта, чтобы не дать себе ни секунды на размышления. Потому что если я остановлюсь и начну думать, то снова увижу в его глазах ту самую вину, которую он прячет за приказами.

Мы с ним давно знакомы. Слишком давно. Он был лучшим другом моего отца, его вторым пилотом. Они вместе

летали по неисследованному космосу на экспериментальном корабле, смеялись, влипали в истории и, кажется, вообще не знали, что такое слово «забота». А потом отец просто не вышел из гипера

Корабль вынырнул. Пустой. Ни чёрного ящика, ни маяка. Ничего. Мне уже двадцать один, а я до сих пор не знаю, где он — превратился в космическую пыль, застрял в петле времени или его забрал кто-то, о ком не пишут в учебниках. дядя (я так его про себя зову, хоть он и не родной, но другого отца у меня нет) иногда, когда переберёт синтетического виски, тяжело опускает руку мне на плечо и говорит: «Он где-то там, в пустоте. Живой. Может, именно ты его когда-нибудь и найдёшь».

Вот и лечу.

Сжимая в кармане холодный мячик с гравировкой «Мес-сия».

Может, это и есть тот самый след. Не очередной ложный вызов, а первая настоящая ниточка за двадцать один год. И от этой мысли, пробившейся сквозь привычную иронию, по спине прошёл нехороший, липкий холодок.

Я вернулся на свой корабль, бросил на штурманский столик так и не начатую пачку чипсов и, даже не глуша маршевые, взял курс на ближайшую заправку. Автоматика станции — старый, гудящий «Голиаф» — лениво перекачала в мои баки дешёвого плазменного топлива. Расплатившись, я рванул вперёд. Координаты были недалеко — буквально одно

судорожное мгновение на сверхсветовой, когда звёзды снаружи превращаются в слепящие белые нити, и я уже вывалился из гипера на место.

Выглянул в главный обзорный иллюминатор. Сначала — ничего. Та самая абсолютная, звенящая пустота, миллиарды равнодушных звёзд и тишина, которую не пробить даже двигателями. Потом, задействовав маневровые, я подлетел поближе, и радар вывел на стекло очертания. Я увидел его — корабль, разбитый напрочь. Словно детскую игрушку. Оба крыла, если эти уродливые наросты можно было так назвать, были оторваны под самый корень. Обшивка зияла рваными дырами, корпус был изрешечён, будто его в упор расстреляли из какой-то чудовищной, неземной пушки или швырнули сквозь самый плотный пояс астероидов на скорости света.

«Сколько он тут летает? — подумал я, чувствуя, как по спине пробегает первый холодок. — И почему его до сих пор не нашли мусорщики? Сигнатура на радаре мертвее мёртвого».

Я накинул на плечи тяжёлый, пахнувший озоном и чужим потом скафандр, проверил герметичность шлема и вышел из шлюза. Включил магнитные подошвы, оттолкнулся и подлетел к обломкам. Сел на изуродованный борт, отключил магниты и ощутил, как металл под ногами отзывается глухим, усталым, протяжным звуком. Словно старый кит, выброшенный на берег. Осмотрел повреждения вблизи. Жуть, скажу я тебе. Это была не просто битая техника. Каждый сантиметр

— в паутине трещин, в рваных сколах с оплавленными краями, будто корабль не просто умирал, а кричал от боли, пока его рвало на части неведомая сила.

Я нашёл пробоину пошире, зацепился карабином за торчащий кусок арматуры и, подтянувшись, открыл внешний шлюз. Протиснулся внутрь.

И тут я замер. А потом закричал — не от страха, к такому нас, поисковиков, жизнь приучила, а от того, насколько это было неестественно, неправильно, как кадр из дурного сна: в капитанском кресле, слегка повернув голову набок, сидел скелет. На нём всё ещё болтались лохмотья капитанской формы.

— Что ты тут делаешь?! — выкрикнул я в гнетущую тишину, хотя знал, что он не ответит. Голос в динамиках шлема прозвучал жалко и надтреснуто.

Никогда такого не видел. Осмотрел его, медленно обходя кресло. Понял: он тут лежит не год. Годы. Десятилетия. Его левая рука была вытянута вперёд, а указательный палец — направлен прямо на старый, притулившийся на подлокотнике диктофон. Странная, неуместная вещь для 2300 года. Такие безделушки из дешёвого пластика и магнитной ленты давно не делают, их сменили нейро-логгеры.

Я осторожно, двумя пальцами, поднял диктофон. Корпус был глубоко поцарапан, металл потускнел, покрылся серой плёнкой, будто он впитал в себя всю пустоту и холод этого мёртвого корабля. Кассета была на месте — старая, потёр-

тая, с выцветшей этикеткой, будто лежала тут не тысячу, а миллионы лет.

Я щёлкнул тумблером воспроизведения. Сначала в уши ударил только шум — тот самый белый шум вакуума, который просачивается сквозь любую изоляцию, когда Вселенная напоминает, что она огромная, старая и абсолютно равнодушная к твоей судьбе. Потом пошли густые помехи, скрежет. А затем пробился голос. Тихий, сбитый, с присвистом, будто человек говорил, уже зная, что его никто и никогда не услышит. Он задыхался. — Координаты: 12-45-30... — прошептал голос, и дальше снова только треск, пугающий, бесконечный.

«Интересно, что там?» — подумал я, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой, холодный комок от странного, болезненного любопытства. Голос показался мне смутно знакомым, но я отогнал эту мысль.

Ещё раз, напоследок, обшарил каюту взглядом, стараясь больше не смотреть на скелет, но тот будто притягивал взгляд своим пустыми глазницами. Вышел наружу, с трудом задраив за собой искорёженную дверь.

Магнитные подошвы снова гулко впечатались в металл. «Челнок, что ли? — подумал, оглядывая масштабы катастрофы. — да, похож. Спасательный или исследовательский. Маленький. Значит, внутри не должно было быть много людей».

Но самое странное, самое выбивающее из колеи было не в

том, что я нашёл. Не в скелете, не в дырах. А в том, что на записи были только координаты. Больше ничего. Ни объяснений, ни криков о помощи, ни прощаний с семьёй. Просто сухие цифры, брошенные в пустоту. Будто это был единственный способ оставить след. Единственная зацепка, которую мертвец оставил живым. И лететь теперь нужно было именно туда. Я не стал говорить комиссару про новые координаты. Ни слова. Пусть это будет моя личная, контрабандная вылазка. Он опять начнёт мямлить про отца, про неоправданный риск, про своё вечное «не лезь куда не надо, Артём, я обещал твоей матери». А потом, когда я вернусь, он будет смотреть на меня этими своими собачьими глазами, полными вины, и предлагать перевод на спокойную орбитальную станцию. Может, если я влезу в это дело один, случится что-то плохое. А может, именно поэтому и не случится.

Поэтому я всё делаю сам. В одиночку. Мне никто не нужен. Ни его опека, ни его старые друзья, ни его фальшивое спокойствие.

Повернул штурвал, чувствуя, как гидравлика отзывается привычным, чуть ленивым гулом.

— Полетели, — сказал кораблю, будто он мог меня услышать. — Посмотрим, куда ведут эти цифры. Только ты и я, старина.

Глава 2. Созвездие Мессия

В своей каюте, в тесной рубке своей «Ласточки», я вбил координаты в навигатор: 12-45-30. Просто, ПО-ПаН^оНСКИ,

как на старой карте.

Но система будто споткнулась. На секунду экран мигнул, по нему пошла рябь, как по стоячей воде, и поверх моих грубых цифр вылезло полное, пугающе точное значение: RA 12h 45m 30,142s

Dec +37° 12' 15.083'

— Откуда ты это взяла? — пробормотал я, наклоняясь к экрану. Откуда в старом диктофоне такие данные?

Диктофон их не записывал.

А под координатами мелким, издевательским шрифтом допечаталось системное уведомление: «Точность: 0,001 угловой секунды. Рекомендовано ручное наведение. Автопилот не рекомендован. Вероятность гравитационной аномалии: 74%».

Я нервно хмыкнул, но в груди мгновенно стало холодно, как в открытом шлюзе. Такие точные координаты дают либо для чего-то крошечного, вроде спасательной капсулы. Либо для чего-то очень важного, что нельзя потерять в пространстве. Либо для чего-то, что очень, очень не хочет, чтобы его нашли.

— «Созвездие Мессия», — тихо повторил я, механически жуя мятную жвачку, чтобы хоть как-то унять сухость во рту. Такого я ещё не видел. В официальных картах этот сектор

значился как «пустой», транзитный.

Ладно. Полетели.

Я решил лететь тихо, на досветовой. Впереди, прямо по курсу, висело плотное, почти чёрное пылевое облако, а за ним — ядовито-зелёное газовое. Странно, конечно. Будто кто-то специально спрятал это место за двойной, непроницаемой дымовой завесой. Приходилось постоянно корректировать курс вручную, обходя сгустки космической пыли.

Раньше я тоже вылетал по таким вот «секретным» координатам, но там, в конце пути, всегда ждал просто зонд. Старый, ржавый кусок металла. И я тогда расстроился так сильно, что даже жвачку выплюнул прямо на приборную панель. А тут... тут было что-то другое. Интересное. И до одури опасное. Пахло не заброшенностью, а тайной.

Когда я, наконец, продавил носом корабля оба облака, в дали, на фоне россыпи незнакомых звёзд, показался корабль. Я аж дыхание задержал, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Он был такой огромный, что казалось, будто он не плывёт в космосе, а стоит прямо в нём, врос в саму ткань пространства, как древняя, забытая всеми скала. длиной в несколько километров, с хищными, острыми обводами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.